

*Е. А. Иванов**

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИИ НАРРАТИВНОЙ СЕКВЕНЦИИ**

В современной нарратологической литературе имеет место повышенный интерес к понятию нарративной секвенции. Значимость обращения к этому понятию становится понятна, если исходить из представления, что нарратив является результатом взаимодействия двух нарративных секвенций — секвенции событий и секвенции репрезентации. В данной статье будет предпринята попытка выявить эпистемологическое значение нарративной секвенции в непосредственной соотнесенности с современными тенденциями эпистемологии и теории познания с помощью рассмотрения современных нарратологических дискуссий о характере нарративной секвенции. На примере обращения к категории «субъект познания» в статье рассматривается взаимосвязь нарратологической дискуссии о природе нарративной секвенции с современными тенденциями в философии науки.

Ключевые слова: нарратив, нарративная секвенция, постклассическая нарратология, эпистемология.

E. A. Ivanov

TO THE QUESTION OF EPISTEMOLOGY OF NARRATIVE SEQUENCE

In contemporary narratological studies take place high interest to the notion of narrative sequence. Significance of that interest relies on understanding narrative as the interaction between two narrative sequences — the sequence of events and sequence of representations. The article dedicated to identifying the epistemological significance of narrative sequence on materials of contemporary narratological discussion about the status of narrative sequence in correlation with modern trends in epistemology and the theory of knowledge. Using the category “agent of cognition” as an example, the author shows the relationship between the

* Иванов Евгений Александрович, младший научный сотрудник кафедры философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Jenua94.04.10@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–311–90077.

narratological discussion about the nature of narrative sequence with modern trends in the philosophy of science.

Keywords: narrative, narrative sequence, postclassical narratology, epistemology.

В современной литературе, посвященной нарративной проблематике, имеет место повышенный интерес к понятию нарративной секвенции. Этот интерес во многом связан с тем обстоятельством, что несмотря на внушительную историю изучения, понятие нарратива так и не получило общезначимого определения. В исследовательской литературе можно обнаружить несколько подходов к определению нарратива. С одной стороны, существует традиция, в основе которой лежит аристотелевское определение нарратива как одного из литературных жанров, а с другой — определение постклассическое, подразумевающее самые различные серии связанных событий или ситуаций из разных сфер, вплоть до музыки, архитектуры, скульптуры и т. д. Поскольку нарратив по своей сути является семиотическим объектом, в исследовательской литературе широко распространен подход к аналитике нарратива с использованием классического семиотического разделения на семантический, синтаксический и прагматический уровни [4].

В данной статье мы попытаемся продемонстрировать эпистемологическое значение нарратологической дискуссии о нарративной секвенции в непосредственной соотнесенности с современными тенденциями эпистемологии и теории познания.

Обращение к понятию нарративной секвенции в исследованиях, посвященных нарративу, вызвано актуализировавшейся на рубеже XX–XXI вв. дихотомией классической/постклассической нарратологии и реактуализацией вопросов, связанных с поиском исчерпывающего определения нарратива, его конструктивных элементов и объектов репрезентации (впервые различие классической и постклассической нарратологии предложил Давид Херман в статье 1997 г. “Scripts, Sequence and Stories: Elements of a Postclassical Narratology”). Под классической нарратологией понимается структуралистская традиция изучения повествовательного текста, ассоциируемая обычно с французскими философами, лингвистами и литературоведами 60–70-х гг. XX в. Структуралистский подход к нарративной секвенции опирается на структуралистскую лингвистику и в качестве эвристической модели обращается к знаменитому различению языка и речи, которое было предложено Ф. Соссюром. Постклассическая нарратология, сохраняя структуралистское ядро классической нарратологии, ориентирована на поиск новых исследовательских и теоретических возможностей, с учетом в т. ч. и достижений смежных дисциплин. К числу характерных черт постклассической нарратологии принадлежат: 1) ориентация на роль читателя в ходе построения нарратива; 2) расширение методологии за счет включения достижений смежных дисциплин; 3) расширение области нарратологического анализа (от романа к литературе в целом, от литературы к историческому повествованию и психологии, от истории к социологии и т. д.) [15]. Таким образом, переориентация нарративных исследований, которая началась в 80-е гг. XX в., представляет собой главным образом переопределение эпистемических координат под влиянием методологических, тематических

и контекстуальных влияний со стороны других дисциплин и стремление преодолеть ограничения, накладываемые классической моделью, заимствованной из структуралистской лингвистики [12]. Использование эвристических инструментов других лингвистических подходов, когнитивных и социальных наук, психологии и исследований искусственного интеллекта привело нарратологию к прагматическому повороту. Если классическая нарратология сфокусирована главным образом на семантической и синтаксическом измерении нарратива, то постклассические теории объединяют эти вопросы с проблемами интерпретации, риторического эффекта, когнитивными и эмоциональными аспектами процесса чтения повествовательных текстов и т. д.

Несмотря на то что изучение нарратива к настоящему моменту имеет солидную историю, единого общезначимого его определения не существует, более того, в современных исследованиях зачастую говорится даже не об определении, а о выяснении необходимых условий возможности такого определения. Для многих (классических и постклассических) нарратологов характеристика нарративных секвенций, которые обычно считаются составными частями нарративов, но при этом могут сами функционировать как нарративы, рассматривается как одна из фундаментальных задач нарративной теории [18]. Большая часть определений нарратива исходит из того, что он является результатом взаимодействия двух нарративных секвенций, а именно: секвенции событий и секвенции репрезентации, которые в большей или меньшей степени связаны с прагматическим измерением нарратива [16]. Нарратив в этом аспекте предстает как последовательная репрезентация последовательных событий.

В связи с этим в нарратологической литературе имеет место дискуссия о характере такого взаимодействия. Более тридцати лет назад Жерар Женнет описал эту ситуацию как разделение между двумя нарратологиями: «тематической», посвященной анализу повествуемой истории, контенту нарратива, и модальной, нацеленной на анализ нарратива как способа репрезентации историй [18]. На сегодняшний день все существующие точки зрения на природу нарратива можно условно разделить на два лагеря: объективистский и конструктивистский [16]. Объективистский подход, как правило, ассоциируется с классической нарратологией, а конструктивистский — с постклассической. Сторонники первой позиции при определении нарратива делают акцент на секвенции репрезентируемых событий. Сторонники второй утверждают, что события повествования (фабула у русских формалистов) конструируются в актах повествования и чтения и, следовательно, не могут играть определяющей роли для понимания того, что представляет собой нарратив. Представители объективистского подхода считают ключевым для понимания нарратива строгое определение объектов онтологии процедуры предметной репрезентации, осуществляемой в данном нарративе. Конструктивисты делают акцент на инструментах структурирования предметности, реализуемых в практиках как построения, так и прослеживания нарратива. Как уже было отмечено ранее, содержание этой дискуссии указывает на пересечение проблем, стоящих перед нарративной теорией, с более широким контекстом споров в теории познания между сторонниками реалистических и анти-реалистических концепций [11]. Вопрос об эпистемологическом статусе нарративной секвенции на сегодняш-

ний день выходит за пределы непосредственно нарратологии и переплетается с широким контекстом философско-эпистемологических проблем.

В исследованиях, посвященных условиям возможности знания, можно констатировать повышенный интерес к проблемам языков описания, связи языка и мира, искусственных и естественных языков и т. д. Первоначально внимание эпистемологов и философов науки было приковано к анализу единичных высказываний, условиям их осмысленности и истинности. Однако с середины XX в. исследовательский интерес сместился в направлении сверх-фразовых единств, будь то аргументативный, дескриптивный или нарративный дискурс. «Единицей анализа науки стал дискурс» [5, с. 24]. Наука сама по себе начинается рассматриваться как повествовательный дискурс [19; 14].

Принципиальной особенностью современного постнеклассического типа научной рациональности является организация объекта исследования в качестве сложной, открытой, саморазвивающейся системы. Процессуальность является одной из главных характеристик таких систем. На стадии фазового перехода, когда саморазвивающаяся система находится в процессе перехода от одного типа гомеостаза к другому, «возникает множество возможных сценариев развития системы, обусловленных как характером внешней среды, так и эволюцией системы» [7]. В переходные моменты развития таких сложных динамических систем «малые локальные возмущения», или единичные события, начинают играть существенную роль как фактор дестабилизации системы, в то время как на стадиях гомеостаза, как и в простых статичных системах классической научной рациональности единичные события не играют самостоятельной роли и не являются объектом научного интереса [3].

В связи с этим нарратив как особая форма организации опыта, характеризующаяся темпоральностью и событийностью (в смысле рассмотрения предмета с точки зрения его индивидуальности) [10] актуализируется не только в своей классической сфере применения как-то литература, история, психология и т. д., но и претендует на объяснительную роль в исследованиях природных процессов. Синергетика как теория сложных систем открывает лазейку для нарратива в строгом формализованном мире научного объяснения, где с начала XX в. царствует объяснение через всеобщий закон.

Развитие современных методов компьютерной симуляции и визуализации таких сложно организованных объектов ставит ряд вопросов перед современной наукой. По мнению М. Нортон Уайза, артикуляция смысла компьютерных симуляций происходит скорее с помощью исторического нарратива, чем при помощи отнесения его к области всеобщих законов. В статье «Science as (Historical) Narrative» на примере таких разнородных процессов, как эволюция волновой функции в квантовом хаосе, образование снежинок и генетика этрусков, он указывает как науки, которые «выращивают» (grown simulations) свои объекты, объяснение которых требует понимания истории их образования, вынуждены обращаться к историческому нарративу (grown narratives) [19].

Переосмысление классических понятий эпистемологии в неклассическом ключе, реактуализация роли события в социо-гуманитарном и естественнонаучном познании, вопрос о преодолении дисциплинарной замкнутости и оторванности современной науки от других сфер человеческой деятельности — вот

неполный список вопросов, связанных с прояснением эпистемологического статуса нарративной секвенции.

Рассмотрим в качестве иллюстрации конституирование одной из базовых категорий теории познания — субъекта познания. Современная эпистемология связана с переосмыслением классических подходов к пониманию субъекта. Представление о рефлексивном непосредственном характере данности субъекта, господствовавшее в Новое время и определившее состояние теории познания вплоть до конца XIX в., сменяется представлением о его социальной, культурной и языковой обусловленности. Широко распространено убеждение о растворении субъекта в структурах его бытия — «смерти субъекта». Звучат призывы к натурализации когнитивного, антипсихологического представления о субъективности на путях редукции к психологии и нейронаукам (Куян, Рорти, Фейерабенд и др.) [2; 6; 13]. Однако несмотря на продиктованную как научными, так и философскими достижениями необходимость переосмысления онтологических оснований главных категорий эпистемологии (субъект, объект, предмет), их значимость в процессе познания в качестве регулятивных принципов и эвристическая значимость в научной практике, как представляется, является бесспорной.

Если исходить из определения науки как одной из форм общественного сознания, то отдельный человек выступает в качестве субъекта в той мере, в какой он освоил достижения культурно-исторического творчества, включая систему средств предметно-практической деятельности, языка, художественно-эстетического восприятия и т. д. [8] Вопрос о том, насколько удачно субъект освоил адекватные когнитивные практики по отношению, с одной стороны, к культурно-историческому развитию общественного сознания, а с другой — к процессу воспроизведения объекта, является вопросом самосознания.

Сознательное отношение к процессу воспроизведения объекта в системе знаний предполагает, что субъект как носитель языка, логических категорий, предметно-преобразовательных и познавательных операций, является себя осознающим, обладает способностью самосознания. Самосознание служит выражению факта своего рода раздвоения субъекта в силу потребности постоянного сопоставления своих познавательных операций с содержанием познаваемого объекта [8, с. 393].

Реализация процедуры самосознания наиболее адекватно решается при помощи проведения мысленной операции превращения субъекта в объект, хотя в истории философии существуют противоположные позиции, в которых утверждается непосредственная данность сознания (Декарт, Гуссерль, Хайдеггер) в процедурах самопознания либо абсолютная непознаваемость сущности субъекта в силу его принадлежности к «вещам в себе» (Кант, Шопенгауэр). Мысленная операция превращения субъекта в объект для достижения способности самосознания, по всей видимости, требует обращения к некоей когнитивной практике выражения предметности.

В современной философии существуют воззрения, согласно которым автобиографические нарративы соотносятся со способностью самосознания именно в качестве таких конституирующих когнитивных практик (П. Рикер, Д. Дэвидсон, Д. Б. Волков) [1]. «Нарративный подход предполагает, что атри-

буция действий и характеристик личности происходит с помощью включения их в целостный автобиографический нарратив» [8, с. 166]. В такой перспективе вопрос об определяющем характере нарративной секвенции, структурирующей предметность, или секвенции семантических объектов для конституирования автобиографического нарратива в его соотносительности с самосознанием, является одним из условий определения эпистемологических условий идентификации нарратологической субъективности. Она обнаруживается как топологически определенная форма выражения познавательной активности в ее приуроченности к социальным структурам, порождающим наличное многообразие видов духовного производства.

Концепции нарративной секвенции принадлежит ключевая роль в определении эпистемологического статуса нарратива и конституирующих его когнитивных практик. Сходство оппозиций «объективизма» и «конструктивизма» в нарратологии и современной философии науки может рассматриваться как выражение общих свойственных им форм предметной и смысловой упорядоченности мысли, что открывает перспективу нетривиального истолкования природы, как повествовательного, так и научно-теоретического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Д. Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности // *Философский журнал*. — 2018. — Т. 11, № 3. — С. 166–175.
2. Куайн У. Слово и объект / пер. с англ. А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. — М.: Логос, Праксис, 2000. — 386 с.
3. Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // *Вопросы философии*. — 2010. — № 10. — С. 84–98.
4. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // *Семиотика: антология*. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 45–110.
5. Огурцов А. П. Философия науки XX век. Концепции и проблемы. Ч. 1. — СПб.: Мирь, 2011. — 502 с.
6. Рорти Р. Философия и зеркало природы / пер. с англ. В. В. Целищева. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. — 320 с.
7. Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // *Эпистемология и философия науки*. — 2013. — № 2. — С. 78–91.
8. Стрельченко В. И. История, философия и эпистемология науки. — СПб.: Астерион, 2019. — 490 с.
9. Стрельченко В. И., Иванов Е. А. Начало новоевропейской науки: опыт философско-историографической рефлексии // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. — 2019. — Т. 10, № 2. — С. 7–19.
10. Хвостова К. В. Современный исторический нарратив // *Вопросы философии*. — 2018. — № 2. — С. 6–15.
11. Щедрина И. О. Новые аспекты современной нарратологии // *Вопросы философии*. — 2017. — № 9. — С. 82–90.
12. Alber J., Fludernik M. *Introduction to Postclassical Narratology. Approaches and Analyses*. — Columbus: The Ohio State University Press, 2010. — 323 p.

13. Feyerabend P. Comment: Mental events and the brain // *Journal of Philosophy*. — 1963. — Vol. 60, Iss. 11. — P. 295–296.
14. Morgan M. S., Wise M. N. Narrative science and narrative knowing. Introduction to special issue on narrative science // *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. — 2017. — Vol. 62. — P. 1–5.
15. Pianzola F., Passalacqua F. Continuity and break points: some aspects of the contemporary debate in narrative theory // *Enthymema*. — 2011. — N4. — P. 19–34.
16. Pianzola F., Passalacqua F. Epistemological Problems in Narrative Theory: Objectivist vs. Constructivist Paradigm // *Narrative Sequence in Contemporary Narratology* / ed. by R. Baroni, F. Revaz. — Columbus: Ohio State University Press, 2016. — P. 195–217.
17. Pier J. The Configuration of Narrative Sequences // *Narrative Sequence in Contemporary Narratology* / ed. by R. Baroni, F. Revaz. — Columbus: Ohio State University Press, 2016. — P. 20–36.
18. Prince G. On Narrative Sequence, Classical and Postclassical // *Narrative Sequence in Contemporary Narratology* / ed. by R. Baroni, F. Revaz. Columbus: Ohio State University Press, 2016. — P. 11–20.
19. Wise M. N. Science as (Historical) Narrative // *Erkenn*. — 2011. — Vol. 75, N3. — P. 349–376.